

ГАЙ ВАЛЕРИЙ КАТУЛЛ

**Избранные переводы
Игоря Соколова**

Гай Валерий Катулл

**Избранные переводы
Игоря Соколова**

«Издательские решения»

Гай Валерий Катулл

Избранные переводы Игоря Соколова / Гай Валерий
Катулл — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834326-1

Книга стихотворений самого значительного поэта эпохи Древней Римской Империи Гая Валерия Катулла отражает большой пласт культуры и жизни того времени. Поэт пишет и о любви, и о нравах той эпохи. Переводчик стихотворений Катулла — Игорь Соколов — поэт, писатель и переводчик.

ISBN 978-5-44-834326-1

© Гай Валерий Катулл
© Издательские решения

Содержание

Катулл – таинственный ребенок	6
К своему поместью	7
К Геллию	8
К Хрену	9
К Каминию	10
Отчаяние	11
К Виттию	12
Мечь	13
К Хрену	14
На Ментулу	15
К самому себе	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Избранные переводы Игоря Соколова

Гай Валерий Катулл

© Гай Валерий Катулл, 2016

© Игорь Соколов, перевод, 2016

ISBN 978-5-4483-4326-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Катулл – таинственный ребенок

Читая Гая Валерия Катулла, спустя уже тысячелетия с веками, я постоянно ловлю себя на мысли, что поэты в ту пору, как, впрочем, и сейчас, пребывают в состоянии странного и безумного детства, что позволяет им видеть мир глубже и острее, и быть от этого более дерзкими и откровенными, какими и бывают все дети. Именно дети постоянно сравнивают одни вещи с другими и постоянно их анализируют, создавая в языке удивительные метафоры. Так в своём стихотворении «К Колонии» Катулл сравнивает сладость женщины не просто с гроздью винограда, а с черным гроздом, черный грозд – это один из самых замечательных сортов красного винограда в древнем Риме, имевшего самые большие гроздья, по всей видимости, поэт видел перед собой молодую жену, имевшую большую пышную грудь, опьяняющую его своей красотой. Ещё Катуллу, как ребёнку, была присуща смелость, доходящая порой до безумного хулиганства и дерзких оскорбительных шуток. Именно такими шутками и были его стихи, посвященные Квинту Метелле Целеру, сенатору, происходившему из знатного римского рода, который, кстати, был его «патроном», «шефом», т.е. человеком, у которого Катулл служил. Именно какая то служебная подоплёка и привела Катулла к злему высмеиванию в стихах сенатора Целера. При этом, Катулл пожаловал ему в стихах другую «должность» – *mentula*, – выражение столь впечатляющее, что точный его перевод заставляет многих переводчиков или вставлять осколок – «х...», или переводить всевозможными эвфемизмами – от «хлыща» (в переводах Афанасия Фета) до «хрена» или оставлять без перевода в русской транскрипции. Но в моем переводе этого стихотворения именно «хрен» оказался более приемлемым эвфемизмом.

В любви Катулл являет образец страстного и святого горения сердца. Именно таким образцом стала его любовь к Лесбии, именно так Катулл называл свою возлюбленную Клодию, которая однако не была невинной девушкой, а была замужней женщиной из знатного рода и имевшая множество любовников, одним из которых и был сам Катулл. Вместе с тем, Катулл, судя по его стихам, имел самую продолжительную любовную связь с Клодией – Лесбий, и его посвящения не только самой Лесбии, но и ее ручному воробышку стали его самыми лучшими стихами, донесших до нас живое и пленительное дыхание его страсти. На протяжении двух тысячелетий творчество Катулла подвергалось исключительному гонению и нападкам. Его стихи на кострах сжигались средневековой инквизицией, а имя поэта звучало в безумных проклятиях верующих и безграмотных фанатиков. Любовь в любом художественном творчестве всегда была предметом осуждения страдающего от её отсутствия человечества. Именно поэтому так и дороги стихи Гая Валерия Катулла, что пройдя через огонь тысячелетий, смогли войти в наше сердце и прикоснуться к нему самой чистой и светлой своей стороной – детской искренностью и любовью к женщине, к подруге, к матери, к любовнице и к Отчизне.

От переводчика

К своему поместью

Так ты, Сабинский иль Тибурский,
Кусок моей распаханной земли,
Тибурским люди называют тебя с чувством,
Чтоб не лишать Катулла сладостной любви,
Другие спорят, что кусок Сабинский...
Да хоть Сабинским, хоть Тибурским будь,
Близ города ты с домом самый близкий,
Освободил я здесь от кашля свою грудь,
А виноват был в том обильный ужин
И его принявший вмиг живот,
Поскольку с Сестием я очень дружен,
То в гостях речами потчевал народ...
На Анция узревшего вину
Я посылал заразу и чуму,
Но тут сопли потекли, и кашель рвет,
Я побежал к тебе, мой огород,
Ты исцелил и тишиною, и крапивой,
Из-за тебя я стал здоровым и счастливым,
Ну, а если вдруг от Сестия прилипнет
Ко мне та хворь ужасная опять,
То от меня к нему обратно прыгнет,
Без его дурацких чтений благодать...

Примечание к стиху: В этом стихотворении Катулл не щадит ни самого себя, ни П. Сестия, народного трибуна, политического сторонника Цицерона, но весьма плохого, (по свидетельству того же Цицерона) стилиста, пригласившего Катулла на роскошный ужин. Соблазненный чревоугодием, Катулл из вежливости не хотел, вероятно, явиться к Сестию, не ознакомившись с последней его речью против обвинителя Анция, и поэтому прочел ее у себя. Хотя он и сам намекает, что собственное воздержание за ужином способствовало развитию в нем насморка и кашля, тем не менее, выражается так, как будто простудился в холоде Сестиевой речи. Выздоровел он только при помощи крапивы в спокойном убежище своей виллы. На будущее же время желает, чтобы простуда от Сестиевых произведений нападала не на него, а на самого автора.

Поместье Катулла стояло, вероятно, на границе между Тибурским округом, застроенным по случаю более мягкого климата виллами богачей, и более суровым и утесистым Сабинном, почему благоприятели Катулла считали его поместье аристократически Тибурским, а недоброжелатели – плебейски Сабинским.

Обвинитель Анций неизвестен.

К Геллию

Колдун от Гелия родится в согрешенье,
Он в страсти мать познал, согласно воле персов,
Мать разрешится колдуном по их ученью,
Если персы избегают лживых версий,
Ну, что же, пусть поет богам с почтеньем,
Кишки* с молитвами дымят от всего сердца...

Примечани к стиху: Как я уже отмечал в других комментариях к переводам Катулла, он немало иронических и весьма злых стихотворений посвящает бывшему другу поэту – Геллию, не в силах сдержать гнева и ревности из-за своей любимой Клодии – Лесбии, которая принадлежала в высшему аристократическому обществу и не взирая на замужество, имела множество любовников... Связь между родственниками в эпоху древней Римской империи была весьма распространенным явлением, современники Катулла даже говорили о том, что Клодия имела близкие отношения со своим известным дядей Клодием Пульхером...

Кишки – кишки, согласно древним обычаям некоторых восточных народов (персов), бросались в огонь как жертва богам, а мясо съедалось, у египтян при жертвоприношениях тела животных сжигали целиком...

К Хрену

Стремглав рванулся Хрен к разврату,
Ну, что ж, поделаешь, если развратен сам,
Недаром люди шествуя по саду,
Вдруг замечают, – туесок раскрыт плодам...

К Каминию

Слушай, Каминий, народ твой жаждет суда
Над старостью, что запятнал позором,
За все твои же грязные дела
О, лжец, тебе язык отрежут скоро
И коршун съест его, порадовав себя,
И выклюет глаза голодный ворон,
Собакам – сердце твое, волку – требуха...

Примечание к стиху: Среди переводчиков нет единого мнения, кому посвятил этот стих Катулл, но если брать во внимание, что у Цезаря был брат Каминий, а отношение к Цезарю у Катулла была самое негативное, то не исключено, что этот стих направлен против брата Цезаря и самого Цезаря.

Отчаяние

О, Целий, мое волшебство, —
О, Лесбия, Лесбия, Боги,
Для Катулла сама божество,
Дороже жизни в итоге...
О, Лесбия, ныне вся там,
В переулочках вся затерялась,
Как девка предалась сынам
И внукам Рема! О, жалость!....

К Виттию

Тебе подходит наглый Виттий,
Болтать везде своим бесстыжим языком,
Представиться лишь случай, кинешь сети,
И будешь зад лизать и ноженьки тишком,
А если, Виттий, ты угробить нас захочешь,
То рот раскрой и сразу всех проглотишь...

Примечание к стиху: Это стихотворение Катулл по мнению многих переводчиков и исследователей жизни Катулла, предположительно посвятил одной из самых одиозных фигур того времени, наушнику, льстецу и соглядатаю Виттию, хотя Афанасий Фет, который также переводил Катулла и исследовал его жизнь, с этим был не согласен и полагал, что этот стих Катулл посвятил неизвестному нам Виттию... Вместе с тем до нас дошла связанная с Виттием и с Клодией – возлюбленной Катулла. Клодия, римская матрона, вдохновительница великого Катулла, которой он посвящал все свои стихи, умела и любила мстить, и месть ее была невероятно изощрена.

Некий Виттий, молодой римлянин из патрицианского рода, ухлестывал за Клодией, и добившись своего, решил подшутить над ней, послав ей в плату за интимные услуги тяжелый мешочек с деньгами, развязав который, Клодия обнаружила россыпь мелких медных монет, называвшихся квадрантами. К сожалению, у этой сцены было предостаточно свидетелей для того, чтобы за Клодией прочно закрепилась кличка Квадрантикула, или по-русски – Копеечная, Грошовая. Клодия была в бешенстве. Она подговорила двух своих постоянно отвергаемых ею же самой воздыхателей напасть на Виттия. Их имена были Гай и Феций. Они люто ненавидели всех, кто сумел добиться полного расположения обожаемой Клодии хотя бы на одну ночь, чего им самим до сих пор не удавалось. Без преувеличения можно сказать, что они ненавидели большую часть римского высшего общества. Однажды ночью они напали на Виттия и сильно избили его. Отлежавшись и придя в себя, Виттий подал в суд на Гаю и Фецию, объявив, что они нарушили Семпрониев закон о мужеложестве. Оказалось, что поклонники Клодии слишком рьяно взялись за осуществление плана мести обожаемой ими женщины и слегка перестарались. История умалчивает, была ли это личная инициатива неудачных любовников или сама Клодия попросила их пойти на это, но суд был строг, и Гаю и Фецию пришлось удалиться в изгнание прямо из зала суда. Виттию досталось всё имущество обоих. А Клодия показала всему Риму как может мстить разъяренная женщина.

Кстати, Виттий плохо кончил. Через несколько месяцев он был посажен в тюрьму за якобы долги и был задушен там по приказу Цезаря. Говорят, что он просто слишком много знал о целой череде заговоров против Цезаря, хотя сам в них непосредственного участия не принимал.

Месть

Плач раздирает меня, – ее прелестные губы
Грязною влагой своей ты испоганил навек,
Знай же, что я отомщу, опозорю тебя также грубо
И громкая речь разнесет, —
какой ты дурной человек...

К Хрену

Лесов у Хрена просто тьма,
Лугов для живности аж тридцать десятин,
Колосятся хлебом пышные поля,
А сколь прудов, – лишь знает Хрен один...
Своею роскошью Хрен Креза превзошел,
Насобирал в поместье до хрена всего,
Полей, лесов, прудов такой котел, —
Гиперборейцы с морем все вошли в него...
Все, чего добился он весомо,
Зато как сам-то он весом,
Для человека это просто неподъемно,
Но Хрен справляется с трудом...

Примечание к стиху: Катулл часто высмеивал в стихах Квинта Метелла Целера, сенатора, происходившего из знатного римского рода и что Катулл пожаловал ему в стихах другую «должность» – *mentula*, – выражение столь впечатляющее, что точный его перевод заставляет многих переводчиков или вставлять осколок – «х...», или переводить всевозможными эвфемизмами – от «хлыща» (в переводах Афанасия Фета) до «хрена» или оставлять без перевода в русской транскрипции. Но в моем переводе этого стихотворения именно «хрен» оказался более приемлемым эвфемизмом.

На Ментулу

Ментула жаждет, накопивши сил,
Подняться на вершину Геликона,
Но Музы острием разящих вил
Его швырнули, вниз башкой, со склона...

Примечание к стиху: Катулл часто высмеивал в стихах Квинта Метелла Целера, сенатора, происходившего из знатного римского рода и избранного в 60 году консулом. По приезде в Рим Катулл очутился в его свите. Это, конечно, не было чистой случайностью. Совсем недавно, в 62-61 годах, Метелл занимал должность наместника Предальпийской Галлии, и для Катулла как выходца из этой провинции было естественно искать у него покровительства в Риме. Хотя не менее, а может быть, даже и более естественно было бы попытаться счастья в свите отцовского товарища, который добился консульства на следующий, 59 год. Но Катулл почему-то этого делать не стал. Мало того, он принялся поносить Цезаря с неудержимым, кривляющимся ехидством в стихах столь же отточенных, сколь и непристойных. Без всякой объяснимой причины – комментаторы только разводят руками – он поначалу вдруг сделал персонажем своих глумливых инвектив цезарианского офицера по имени Мамурра, по должности *praefectus fabrum* (начальник саперного отряда). Катулл пожаловал ему в стихах другую «должность» – *mentula*, – выражение столь впечатляющее, что точный его перевод на русский заставил бы переводчиков слишком резко выходить за рамки академического приличия или вносить сумятицу в звучные строки, вставляя то там, то сям беззвучный осколок – «х...», и поэтому его принято переводить всевозможными эвфемизмами – от «хлыща» до «хрена» или оставлять без перевода в русской транскрипции. Упиваясь собственным неистовством, Катулл поносил все и вся, что было связано с этим Мамуррой ментулой родом из города Формий, – его блуд, его стишки, его богатства, нажитые на должности не блистательной, но вполне воровской (саперный отряд занимался строительными работами и доставкой провизии), его подружку Амеану, ту самую, за которой последовало в бессмертие выражение «*puella defututa*», – раздолбанная девка.

К самому себе

Коль радость есть творящему добро, —
В своей же радости себя увидеть чистым,
Как сохранить тогда себя и божество
Не умолять всех в дураках оставить быстро...
Но много ль радости в свершениях благих
Ты познал, Катулл, в любви их бесполезной,
Ты добрым словом просветлявший миг,
Мог быть с людьми, как и они, любезным...
Душе не признающей благодарности
Ты тщетно раскрывал всего себя,
Но даже за такую долю малости
К чему печалиться, — все тает без следа...
Нет прочности в душе и нет возврата
Оттуда, где назад дороги нет,
Против богов несчастьем сущность вся объята,
И от любви длиною в жизнь плыть в мертвый свет, —
Как тяжело, — но ты должен уложиться,
Спасенье в том, чтобы управиться с собой,
О, Боги, Боги, где же ваши лица,
Я поступать так принужден самой судьбой...
О, неужели, Боги, в вас есть просто жалость,
Ведь другим вы даже в Смерти помогали,
За чистоту прожитых лет явите радость,
Лишите боли и погибели с печалью...
О, моя грусть! Во мне уже оцепененье, —
Счастье вдруг сбегает из души,
Ее прошу, нет, не любить в исчезновенье,
Прошу хоть лживой, но со мною быть...
О, Боги, лишь молю об исцеленье,
За чистоту пощаду смог бы оценить...

Примечание к стиху: У Катулла было несколько стихотворений «К самому себе».

В этом стихотворении Катулл печалится о лживости и неверности Лесбии,

упоминая, что их любовь была очень долгой, и что другой такой любви уже не будет, сравнивая исчезновение любви с болезнью и смертью, и моля об исцелении, т.е. о возвращении любви как бессмертного чувства...

По свидетельству Афанасия Фета, переведившего Катулла, и тщательно изучавшего его творчество, некий Маколей всякий раз плакал от умиления, когда читал это стихотворения Катулла...

Очевидно Фет упоминает Томаса Бабингтона Маколея (Thomas Babington Macaulay; 25 октября 1800 – 28 декабря 1859), который был британским государственным деятелем, историком, поэтом и прозаиком

викторианской эпохи. На протяжении последнего десятилетия своей жизни он работал над пятитомной «Историей Англии» – капитальным трудом, заложившим основы виговского прочтения национальной истории. По известной оценке Карла Маркса, Маколей, будучи «систематическим фальсификатором истории», «подделал английскую историю в интересах вигов и буржуазии». Маколей был сыном шотландского предпринимателя-аболициониста, окончил Кембриджский университет. Ещё в студенческие годы он привлек внимание литературной общественности своими стихотворениями, эссе и опубликованным в «Эдинбургском обозрении» за 1825 год этюдом о Мильтоне. Книга стихотворений Маколея «Песни Древнего Рима» 1842 года представляет интерес и в наши дни; ее переводы на русский язык публикуются по сей день – к примеру, в антологии «Семь веков английской поэзии».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.